

Научная жизнь

ВНУТРЕННЯЯ АЗИЯ – КОЛЫБЕЛЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Н. В. Абаев

Аннотация: в статье, посвященной основным идеям научной конференции «Культурное наследие хунну» (г. Улан-Батор, Монголия, 10 июля 2011 г.), автор размышляет об истории монголов, монгольской государственности, этногенезе кочевых народов Центральной Азии.

Ключевые слова: конференция-2011, Монголия, монголы, хунну, гунну, этногенез, этнос, история, кочевая цивилизация, государственность.

*«Да, гунны мы,
да, скифы мы,
да, тэнгрианцы мы,
да, мы монголы
и татары в одном лице...»
(Колохан-Багши)*

*«Живите в мире, любви согласии,
берегите друг друга и мир,
в котором живете»,
— так повелел Тэнгри...»
(Э. Б. Мижит)*

На первой научной конференции, посвященной теме «Культурное наследие хунну», состоявшейся в Монголии 10 июля 2011 г. в Государственной резиденции под эгидой Президента Ц. Элбэгдоржа в рамках празднования 2220-летнего юбилея монгольской государственности — «Империи Хунну», глава государства открыл конференцию словами: «Хунну — это монголы, а монголы — это хунну». В русскоязычной газете «Монголия сегодня» в его речи этноним «хунну» был переведен как «гунны», что вне-сло (то ли сознательно, то ли неосознанно) еще более глобальный масштаб в речь президента (Монголия сегодня, 2011), поскольку получилось, что «гунны — это монголы...»

В своей речи Ц. Элбэгдорж подчеркнул, что монголы, несомненно, оставили большой след в мировой истории человечества и являются одними из тех редких народов, которые сохранили культурное наследие своей цивилизации. По его словам, никто не сумел оставить, да еще и «экспортировать» за границу такую «великую историю, как монголы»

(Мунхзул, 2011; Донгак, Абаев, 2011). При этом президент сказал: «Прошло много времени с тех пор, как человек впервые поднялся на обе ноги в глуши жаркой Африканской саванны и пошел по всему миру, и одной из территорий, где он сумел выжить, стали Монгольские степи. Ученые уже установили, когда именно люди начали распространяться по всему миру. Я уверен, что Монгольские степи действительно являются одной из первых колыбелей человечества, где человек смог прижиться, выжить, создать свою социальную структуру» (цит. по: Тумээ, 2011: 4).

По поводу того, что Внутренняя Азия действительно является колыбелью Евразийской цивилизации и что исключительно важную роль в этом сыграло зарождение пастушества, особенно — коневодства, которое явилось главным орудием кочевничества, тоже говорил известный буддийский учитель-наставник из Японии, преподобный Дз. Тэрасава в Астане на Форуме Духовной культуры в октябре 2010 г., отмечая при этом «революционную роль лошади»: «В самом начале человек мог передвигаться только пешком. Со временем он начал приручать различных животных, среди которых революционную роль сыграла лошадь. Не корова, а конь стал самым важным другом человека.

Конечно, важна была и овца, обеспечивавшая человека необходимыми для выживания пищей и одеждой, корова давала молоко, собака охраняла, кошка ловила грызунов и ласкалась. Но в этих краях именно лошадь стала ближайшим другом человека. И как только это произошло, помощь коня стала иметь решающее значение в развитии человеческого общества.

Сейчас мы путешествуем на автомобилях, поездах, самолетах. Но в древности именно лошадь стала средством свободной экспансии — физического перемещения во времени и пространстве. Конь открыл новые горизонты деятельности. И именно здесь человек впервые приручил лошадь и стал ездить на ней, стремительно расширяя обитаемую территорию и распространяя свой образ мысли».

По поводу «колыбели» Дз. Тэрасава отметил, что имеет в виду Центральную Азию. Здесь, по его мнению, находится «центр Духовной Культуры всей Евразийской цивилизации». При этом он уточнил, что Тянь-Шань является «древней колыбелью первой духовной цивилизации, созданной кочевниками», т.е. тэнгрианской цивилизации, названная им «Небесной цивилизацией кочевников». «Тогда же, во время длительных путешествий, человек стал осознавать важность... высшего уровня бытия, именуемого небесами», — сказал Тэрасава-сан. И далее он отметил:

«Человек-кочевник вступил в глубинное взаимодействие с небесами, изо всех сил стремился познать их, начал уделять все свое внимание космосу. Это положило начало духовности — духовной культуре человека. В этих краях как раз находится колыбель, в которой начала расти эта духовная культура. Она развивалась благодаря взаимодействию человеческого духа с космосом из стремления разгадать таинство небес и использовать их силу в человеческой жизни. Здесь сила и мудрость небес были восприняты человеческим обществом и определили смысл цивилизации... И как раз здесь место зарождения этого процесса начавшегося десятки тысяч лет назад в доисторические времена. Задолго до появления первой письменности и какой-либо религиозной системы люди начали постигать таинства небес и обретать небесные силы... В те времена люди здесь не жили на одном месте. Они все время кочевали и широко делились своей духовностью. Они распространили ее через Тянь-Шань, Памир, Гиндукуш и донесли до Индии, с которой у этих краев, благодаря силе лошадей, была установлена глубинная взаимосвязь».

Дз. Тэрасава понимает термин «Центральная Азия» очень широко, включая в него и Среднюю Азию, и то, что мы подразумеваем под «Внутренней Азией», в самом центре которой находится Монголия. Но для нас здесь важно то, что смысл слов японского буддиста совпадает с речью Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в двух главных моментах: именно в центральной части Евразии зародилась кочевая цивилизация, и эта цивилизация была тэнгрианской, поскольку тэнгрианство с самого начала было национально-государственной религией первых Степных империй.

Говоря о преемственности цивилизационных культур первых кочевников в центральной части Евразии на конференции 10-го июля 2011 г., Президент Монголии тоже сказал: «Монголы — не просто наследники культурных традиций Империи Хунну, в том числе их политических традиций и государственности», но и «поскольку монголы — это и есть хунну», то, значит, древние монголы еще 2220 лет назад создали на этой земле первое демократическое государство (имеется в виду так называемая «степная демократия»), а потому будут «учить демократии другие страны»; к тому же Хунну создали политическую традицию управления государством Сыном Неба (т.е. шаньюем, верховным правителем гуннов-хунну), и эту традицию перенял Чингис-Хан, который тоже был демократически избранным монголами правителем, каковым является и он сам, т.е. Элбэгдорж (Монголия сегодня, 2011). Поэтому, по мнению президен-

та Монголии, именно вокруг него должен сплотиться монгольский народ. Эту мысль он повторил на открытии X Конгресса монголоведов: «Сегодня, когда в Монголии возрождается демократия, исследования и знание истории с древних времен очень важны, потому что история нынешнего монгольского демократического государства уходит вглубь веков, т.е. демократическая Монголия — это не недавнее политическое образование, как многие, наверное, считают. Демократическая Монголия существует не 20 лет, а, может быть, и 2000 лет».

Далее Ц. Элбэгдорж отметил, что поскольку «гунны — это монголы, а монголы — это гунны», то «...я, как человек, хранящий печать государства с такой великой историей, сегодня отмечаю вместе со своим народом 2220-летие основания Монгольского государства. Я лично считаю, что сегодня мы должны говорить не о 2220-летию основания Империи Гуннов-Хунну, а о 2220-летию основания Монгольского государства. Мы отмечаем годовщину основания Великой империи, основанной нашими предками, их великое умение государственного правления, годовщину, исчисляемую тысячами лет. Монголы были такими же, как гунны, и гунны были такими же, как монголы» (там же).

Ссылаясь на слова одного из основателей современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа о том, что «эта земля принадлежала нашим предкам со времени хунну», Элбэгдорж отметил, что «территория сегодняшней Монголии принадлежит предкам монголов — хунну. Поэтому на этот счет не могут возникнуть какие-либо споры и сомнения». Глава государства также заметил, что ведение хозяйства хунну практически мало чем отличается от сегодняшней жизни монголов. «Не отличается и празднуемый ежегодно монголами национальный праздник Наадам. По мнению ученых, ставка императора Модуна Шаньюя (в транскрипции Тургуна Алмаса это имя по-тюркски звучало Батор-тэнгрикут — *Н.А.*) располагалась в горах Хангай, в бассейне реки Орхон, из чего следует, что хунну — это предки монголов, кочевавшие в самом сердце монгольских земель. Другими словами, Чингис-Хан не основывал свое великое монгольское государство на пустом месте, ибо в те времена были многовековые традиции государственного становления и правления. А если сегодня раскопать захоронения наших предков, в том числе, древние захоронения хунну, то можно обнаружить удивительные, бесценные находки, которые могли бы принадлежат культурному наследию Древнего Рима, Греции, Египта и Ирана. Удивительно, какое культурное наследие оставили наши

предки на земле. Монголы должны ценить это, ибо это принадлежит нам, монгольскому народу», — заявил президент.

В связи с этим монгольский академик Б. Энхтувшин отметил, что традиции государственности монголов, возникшие и сформировавшие во время гуннов-хунну, были унаследованы и развиты последующими монгольскими государствами, — сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров и монголо-татар, и достигли своего апогея во время Великого Монгольского государства, созданного Чингис-Ханом (Энхтувшин, 2011). Следовательно, можно выделить два важных и ярких этапа в древней средневековой истории, культуре и развитии государственности кочевников Центральной Азии и Монголии. Это, во-первых, Великое Монгольское государство или период могущества монголов в XIII–XIV веках, во-вторых, государство хунну (хуннов) от III века до н.э. — до II века н.э.

Государственность хуннов имеет древнюю историю и традиции, но согласно традициям, установившимся в исторической науке, считается, что история государственности хуннов, а впоследствии и монголов, берет начало с 209 г. до н.э., когда на престол государства хуннов взошел старший сын Тумэн-хана — Модун, который и осуществил коренные реформы и изменения в развитии государственности кочевников-хуннов, превратив государство хуннов в могущественную империю, прославившуюся во всем древнем мире.

Как отмечают в своих летописях историки и летописцы древнего Китая, государственность гуннов-хуннов являлась более простой по сравнению с другими странами и народами оседлой цивилизации. Другими словами, государственные институты гуннов-хуннов не были громоздкими и не усложняли жизнь простого народа. Но, тем не менее, государство хунну, имеющее компактную структуру, которое соответствовало кочевому образу жизни, очень хорошо справлялось со своими управленческими функциями, благодаря жесткой дисциплине, порядку и принципам управления. Поэтому некоторые важные признаки и черты, возникшие во время Империи Хунну, были унаследованы возникшими впоследствии государствами кочевников. Модун-хан (174 год до н. э.) управлял своей могущественной империей, разделив ее на улусы трех флангов и 24 крупные административные единицы. Аналогичная структура действовала и в Великом Монгольском государстве. Чингис-Хан управлял своей империей, разделив на 95 тысяч тумэнов (один тумэн — десять тысяч), которые, в свою очередь, объединялись в три крупных тумэна — Алтайский, Харун

жидунский и Центральный. В Великом Монгольском государстве, как и в Империи Хунну, действовала административно-управленческая система, названная десятичной.

В результате государственных реформ, осуществленных Модун-ханом, гунны–хунну получили возможность объединить множество кочевых, скотоводческих, охотничьих племен и аймаков Центральной Азии раньше, чем другие соседние могущественные племена. Объединившись под единое политическое управление, хунну смогли присоединить под «крышу» единого государства множество крупных и мелких разобщенных племен и стран, живущих в войлочных юртах, например, Дунху, Юэчжи, Динлин, Усунь, Хиргис и т. д. Владения хуннов простирались на обширной территории, охватывающей Центральную Азию, Монголию, Среднюю Азию, Южную Сибирь и Восточную Азию. В результате этого, культуры многих степных кочевых племен и народов развивались, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Таким образом, были созданы условия для формирования крупной хозяйственной и культурной общности кочевников Центральной Азии, названной впоследствии историками «общностью хуннов».

Создав Великое Монгольское государство, Чингис-Хан, как и хунну в свое время, создал условия для формирования единого государства, единой нации с единой культурой, осуществляя государственную политику, которая в корне изменила общественно-политическую структуру множества кочевых племен и народов, проживающих в войлочных юртах.

Монгольские и некоторые зарубежные исследователи считают, что государство гуннов–хуннов является первым государством, созданным монголами, так как основные племена и аймаки, основавшие Империю Хуннов, сформировали основной состав населения ханства Жужан, созданного племенем мугулуй, а впоследствии вошли в состав коренных монгольских племен. Другими словами, монгольские ученые и исследователи установили, что империей Хуннов управляли племена и аймаки монгольского рода, хотя в ее состав входили племена и аймаки различных наций и народностей. Есть ученые, которые отрицают такую связь в традициях государственности хуннов и в последующих коренных монголов. Они утверждают, что якобы государство, созданное хуннами, было хрупким объединением глав могущественных родов и племен, а также, что хунны не являются предками монголов, так, как среди них преобладали тюркоязычные народы или народы, разговаривающие на языке енисейской группы.

В связи с этим, не вдаваясь подробно в дискуссию о языковой принадлежности тех или иных этнических групп протомонголов, вошедших в состав «кочевой» конфедерации родов и племен, создавших Империю Хунну, следует отметить, что эта огромная Степная Империя, как и все последующие, изначально действительно была полиэтнической, но при безусловном доминировании одного достаточно гомогенного этнического ядра, составлявшего костяк военной, административной и этносоциальной организации, в основу которой был заложен «десятеричный» принцип, сохранившийся и у монголов Чингис-Хана.

При этом распад империи Хунну под военным натиском китайцев, а затем и сяньбийцев (тоже протомонголов), занявших территорию расселения хуннуских племен во всей Внутренней Азии, вовсе не означал полную дезинтеграцию всей системы этносоциальных отношений. Вершину властной пирамиды в ней занимала, как и у скифо-ариев, так называемая «триальная» арийская социальная организация, состоящая из трех правящих каст — военная аристократия, жречество и «царские» роды (каганские, ханские), выдвигаемые теми же военными родами. Четвертой главной силой — основным сословием — был сам поголовно вооруженный «народ-воин», поскольку понятия «армия» и «народ» были идентичными (и во многом совпадали). Первоначально, в период становления государственности хунну, этот многоплеменной народ состоял из различных этнических компонентов, которой можно сгруппировать следующим образом: прамонгольский, скифо-сибирский (а также родственные скифам по языку согдийцы), палеоазиатский и тунгусо-маньчжурский.

Однако, согласно теории Л. Н. Гумилева, пассионарный взрыв, приведший к образованию Империи Хунну, ускорил процессы этногенеза и этнической консолидации (Гумилев, 2011: 19). Они получили мощный импульс со стороны самой государственности, в которой действовали синергетические принципы социальной организации и самоорганизации, с одной стороны ускорявшие процессы интеграции в централизованную имперскую структуру, а с другой — диалектически укреплявшие механизмы самоорганизации на «низшем» и «среднем» уровнях социальной пирамиды, т.е. на уровне родоплеменной (или общинной) этносоциальной организации.

Все этносоциальные процессы, как центростремительные, так и центробежные, неизбежно ускорялись, и в экстремальных условиях войны, а также во время массовых перекочевков, вызванных изменением экологических или геополитических условий. Тем не менее, даже при утрате неза-

висимой государственности и смене властной элиты (или полном переворачивании властной пирамиды) происходила лишь перегруппировка правящих кланов, родов и племен, но основной этнический костяк сложившегося ранее суперэтноса оставался практически неизменным в центральных частях империи, что и наблюдалось на территории Монголии в период падения Империи Хунну и перехода власти к сяньбийцам, которые, к тому же, имели с восточными и северо-западными хунну тесные этнокультурные связи.

Что касается самых западных хунну, не желавших подчиняться ни китайцам, ни сяньбийцам, ни их союзникам, то они, как известно, с боями ушли в Европу, где стали известны под именем «гунны», и у них действительно в большей степени усилились финно-угорские и прототюркские этнические компоненты, присутствовавшие в западной части хуннусского суперэтноса изначально.

В связи с этим интересно отметить, что при всех драматических и даже трагических для отдельных частей суперэтноса обстоятельствах, потомки древних хунну всемерно старались, во-первых, сохранить (или воспроизвести заново на основе элементов сохранившихся традиций) особенности этносоциальной организации, созданной в начальный период эпохи хунну, в том числе имперскую государственность, во-вторых, сохранить ценностное ядро этнической культуры, в-третьих, воспроизвести или возродить с некоторыми модификациями главный сакральный стержень религиозной культуры — культ Неба-Отца, тесно связанный с почитанием Ма-тери-Земли, а также и с представлениями о сакральной природе своего верховного правителя. Весь этот религиозно-политический комплекс служил, как мы уже отмечали, своеобразным «мега-аттрактором», который и направлял совокупную энергию этносоциального организма к новым уровням социальной самоорганизации и воспроизводства системной целостности в меняющихся условиях.

Таким образом, в традиционных обществах тюрко-монгольских народов центральной части Евразии в добуддийский период вся совокупность ценностей, ценностных ориентаций, направленностей социальной активности, стереотипов и векторов поведения, так или иначе, связывалась с волей и контролирующими функциями Вечного Синего Неба, культ которого приобрел характер развитой религиозной системы уже в период становления Империи Хунну и был тесно связан с идеей сакрализации верховной власти в лице Сына Неба.

Тэнгрианство, на наш взгляд, еще на стадии возникновения и развития цивилизации вообще (в центре Евразии получившей характерные черты номадической цивилизации) стало ядром духовно-культурной традиции, обеспечивающей эффективное функционирование такого рода социального аттрактора, отнюдь не исключавшего бытие данной системно-динамической целостности, т.е. ее развитие, приобретение наборов качественных определенностей, обеспечивающих их реализацию как выражение вполне естественной потребности социальной системы в ее внутрисистемной самоорганизованности, но и в ее стремлении организовать внешнюю хаотичность в историческую перспективную целостность и создавать такие механизмы социальной организации и самоорганизации, которые обеспечивали относительную устойчивость имперских форм кочевничества, созданных древними гуннами-хунну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Гумилев, Л. Н. (2011) Хунны в Азии и Европе // Монголия Сегодня. 7 августа.
Донгак, А., Абаев, Н. (2011) Десятый Международный Конгресс Монголоведов (9-13 августа 2011 г., Улан-Батор) // Экспертный клуб «Комитет развития». URL: <http://expertclub.info/content/desyatyy-mezhdunarodnyy-kongress-mongolovedov-9-13-avgusta-2011-g-ulan-bator> (дата обращения 11.11.2011).
Монголия Сегодня (2011). 31 июля.
Мунхзул, Б. (2011) Гунны — это Монголы... // Монголия Сегодня. № 30 (493). 31 июля. С. 1.
Тумээ, Г. (2011) Хунну — это Монголы, а Монголы — это Хунну // Монголия Сегодня. 7 августа. С. 4.
Энхтувшин, Б. (2011) Центр Империи Хуннов находится на территории нынешней Монголии и нынешние монголы являются потомками Хуннов // Монголия Сегодня. 7 августа. С. 3.

INNER ASIA – A CRADLE OF EURASIAN CIVILIZATION

N. V. Abayev

Abstract: Author reflects on history of Mongols, Mongol statehood, ethnogenesis of nomadic people of Central Asia in an article devoted to the main ideas of scientific conference “Xiongnu cultural heritage” (Ulaanbaatar, Mongolia, 10 July 2011).

Keywords: conference-2011, Mongolia, Mongols, Xiongnu, Huns, ethnogenesis, ethnos, history, nomadic civilization, statehood.